

DOI: 10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200

EDN: UABIVI

Научная статья / Research article

Военный и информационно-психологический конфликт в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения

С.А. Михайлов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ 24rotweiss48@mail.ru

Аннотация. Исследованы причины внутригосударственных проблем Мьянмы, связанных с этноконфессиональными противоречиями в Ракхайне, а также международное вмешательство во внутренние дела этой страны с использованием современных методов ведения боевых действий в мировом информационном поле. Анализ осуществлен в контексте истории вопроса, существующего уровня и возможных перспектив разрешения конфликта. Сделан вывод о том, что начиная с 2021–2022 гг. интенсивность конфликта, а также информационная, политическая и иная вовлеченность Запада в поддержку рохинджа стали снижаться. Это, безусловно, положительно сказалось на потенциале Татмадау (армия и пограничники Мьянмы) по противостоянию сепаратизму и терроризму в Ракхайне. Автор обращает внимание, что любое государство (на примере Мьянмы), имеющее богатое и насыщенное историческое прошлое, собственную политическую культуру и духовные ценности, но не вписывающееся в современную «демократическую» систему Глобального Запада, имеет полное право на решение собственных внутренних проблем доступными ему методами. Политическое, экономическое или информационное давление на него не является методом решения проблем, тем более если оно осуществляется под прикрытием ложно трактуемых демократических принципов.

Ключевые слова: Мьянма, Аракан, рохинджа, Татмадау, информационная война, психологическая война, радикализм, терроризм, сепаратизм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 04.03.2024; принята к публикации 12.12.2024.

Для цитирования: Михайлов С.А. Военный и информационно-психологический конфликт в Ракхайне: прошлое, настоящее, перспективы разрешения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 187–200. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200>

© Михайлов С.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Military, informational and psychological conflict in Rakhine: past, present and prospects for resolution

Sergey A. Mikhaylov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ 24rotweiss48@mail.ru

Abstract. The study examines the causes of Myanmar's domestic problems related to the ethno-confessional contradictions in Rakhine as well as international intervention in the country's internal affairs through the use of modern methods of warfare in the global information field. The analysis is implemented in the context of the history of the issue, the current level and possible prospects for resolving the conflict. It is concluded that starting from 2021–2022, the intensity of the conflict as well as the West's informational, political and other engagement in supporting the Rohingya, began to decline. This, of course, had a positive effect on the Tatmadaw's (Myanmar army and border guards) potential to counter separatism and terrorism in Rakhine. The author draws attention to the fact that any state (using Myanmar as an example) that has a rich and eventful historical past, its own political culture and spiritual values but does not fit into the modern "democratic" system of the Global West, has every right to solve its own internal problems using the methods available to it. Political, economic or information pressure on it is not a method for solving problems, especially if it is carried out under the guise of falsely interpreted democratic principles.

Keywords: Myanmar, Arakan, Rohingya, Tatmadaw, informational and psychological warfare, radicalism, terrorism, separatism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 04.03.2024. Accepted: 12.12.2024.

For citation: Mikhaylov SA. Military, informational and psychological conflict in Rakhine: past, present and prospects for resolution. *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):187–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-187-200>

Введение

Прежде чем начать анализ истории и сущности длительного по времени Ракхайнского конфликта, следует отметить, что Мьянма — это полиэтничная страна, которую населяют более ста народностей: бирманцы (68 %), шаны (9 %), карены (7 %), араканцы / ракхайнцы (4 %), китайцы и индийцы (по 3 %), моны (2 %), качины (1,5 %), другие национальности составляют до 3,5 % (из них на рохинджа приходится около 0,03 %). Конфессионально это довольно однородная страна, где значительное большинство населения (89 %) придерживаются буддизма¹.

¹ Большая Азия. Мьянма. Режим доступа: https://bigasia.ru/asian_countries/myanma/ (дата обращения: 20.05.2023).

Рохинджа — этническая группа, компактно проживающая на севере бирманского штата Ракхайн (или Аракан), на границе с Бангладеш. По внешнему виду, языку (индоевропейский), культуре, религии (ислам) этот народ серьезно отличается от коренных ракхайнцев и бирманцев. В то же время их многое объединяет с бенгальскими мусульманами, проживающими на юго-востоке Бангладеш (область Читтагонг). И федеральное правительство Мьянмы, и большинство бирманцев воспринимают рохинджа как нелегальных мигрантов из-за рубежа, которых называют «бирманскими косоварами»².

В этом контексте весьма примечательно, что в течение всего периода демократизации Мьянмы не отмечалось выступлений от имени рохинджа со стороны общественных или политических организаций страны. Это неудивительно с учетом того обстоятельства, что большинство людей в стране, мягко говоря, не испытывают особых симпатий к рохинджа и уж тем более к их джихадистской борьбе. На первый взгляд, едва ли национальной безопасности страны с населением в 57 миллионов человек всерьез могут угрожать чуть более 1,42 миллиона рохинджа, по большей части нелегально находящихся на бирманской территории. Однако проблема состоит в том, что за спиной у них стоит бедная, небольшая по площади и при этом почти 170-миллионная Народная республика Бангладеш (НРБ), способная на постоянной основе пополнять поток мигрантов и беженцев, в первую очередь бегущих в направлении ближайших соседей этой страны. И это беспокоит как правительство Мьянмы, так и коренное население Аракана³.

Другой важной тенденцией является то, что в XXI в. в местных анклавах резко активизировались исламские радикалы и появились многочисленные военизированные группировки террористического характера. Это, в частности, «Армия Аракана» (далее — АА) и «Армия спасения рохинджа Аракана» (далее — АСРА), созданные в 2012 г. на фоне очередного обострения взаимного противостояния. Об истинной сущности таких «борцов за свободу и демократию» говорят более чем характерные факты о лидере АСРА, известном как Атаулла абу Аммар Джанджуни. Это представитель радикального крыла из Пакистана, родившийся в крупной общине рохинджа в Карачи. Получив мусульманское образование в Саудовской Аравии в духе ваххабизма, Атаулла абу Аммар Джанджуни вернулся в Пакистан, прошел военную и террористическую подготовку в лагере мусульманских радикалов, после чего вернулся в Мьянму. Идеологическая обработка местной исламской (и не только) молодежи и формирование (на первом этапе) ракхайнской партизанской армии в составе примерно тысячи бойцов стала начальным этапом подготовки к более серьезным событиям в истории

² *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

³ Там же.

Мьянмы. Постепенно АСРА разрасталась и начала подготовку к организации вооруженного восстания в Аракане, которое началось в октябре 2016 г. с нападения радикалов на блокпосты мьянманских пограничников. Так, собственно, и началась острая фаза конфликта между ракхайнскими сепаратистами и федеральными властями («Ракхайнская война») ⁴.

Не менее характерен и многое объясняет портрет лидера другой радикальной и террористической группировки Ракхайна — Тун Мьят Найна, возглавляющего АА. Он является выпускником Технологического университета в Ситве (столица штата) и всегда предстает перед иностранными журналистам и туристами в роли аккуратного, улыбчивого, образованного и энергичного «своего парня». Однако на деле это довольно жесткий и беспринципный человек, возглавляющий одну из самых кровавых террористических организаций, цель которой — «большая автономия (а по факту — отделение) от остальной Мьянмы, несправедливо угнетающей местное население» ⁵.

О жестокости АСРА и АА ярко свидетельствует и тот факт, что боевики из этих группировок совершают нападения даже на лагеря беженцев рохинджа (располагающихся в основном на территории Бангладеш). Они преследуют и убивают всех, кого подозревают в сотрудничестве с официальными властями и структурами. Это может касаться и работников международных гуманитарных организаций вне зависимости от пола и возраста. Радикалы считают, что имеют полное право осуществлять агрессивные действия против всех, кто не поддерживает идею «Свободного Аракана» [1].

Взаимосвязь араканских и исламских радикальных группировок более чем прозрачна. В частности, исследователь Ифтекхарул Башар из издания «Тенденции и исследования в сфере противодействия терроризму» (Counter Terrorists Trends and Analyses / СТТА) указывает на то, что террористы из Аль-Каиды*, ИГИЛ*, «Общества воинов ислама» (Jamaat-ul-Mujahideen, JMB)* и других подобных организаций ставят своей задачей присоединение к единому Исламскому халифату Северной Индии, Бангладеш и мьянманского мусульманского штата Ракхайн. Они распространяют в Интернете и социальных сетях видеоролики радикального содержания, где, в частности, говорится о необходимости свержения бирманских федеральных властей, а также совершения терактов против местных чиновников и силовиков и т.д. Эмиссары и сторонники террористов активно вербуют в свои ряды ракхайнскую молодежь, которая зачастую не видит для себя никаких жизненных

⁴ Магомед Ториев. Рохинджа в Мьянме — пешки в англо-китайской опосредованной войне. URL: <https://ingush-news.livejournal.com/156282.html> (дата обращения: 15.05.2023).

⁵ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // Rybar.ru URL: <https://rybar.ru/armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voynu-na-fone-drevnih-pagod/> (дата обращения: 15.05.2023).

* Признаны в России террористическими организациями, их деятельность на территории страны запрещена.

перспектив и в итоге охотно становится «борцами за ислам». Таким образом, интересы главных радикальных и деструктивных сил противостояния (араканские националисты и радикальные исламские организации) во многом пересекаются и объединяются, и сложность проблемы продолжает поддерживаться на определенном и неприятном для Мьянмы уровне [2].

Предыстория конфликта

Если говорить об эволюции развития данного конфликта, то необходимо отметить, что в первые годы мьянманской независимости от Великобритании и нахождения у власти премьер-министра У Ну (в 1948–1962 гг.) ситуация в Ракхайне / Аракане оставалась относительно спокойной. Это серьезно контрастировало с остальной страной, где происходила полноценная гражданская война (официально завершившаяся лишь в 2012 г.). Более того, тогда не существовало понятия «рохинджа», а были лишь бенгальские мусульманские переселенцы, которых Войнамассово перемещали в Аракан британцы в бытность этой территории частью Британской Индии.

Вот как о событиях 1950-х гг. рассказывал Тин У (один из основателей Народной лиги за демократию / НЛД и министр обороны Бирмы в 1970-е гг.): «До выборов 1956 года мы никогда не слышали слова «рохинджа». Четверо кандидатов-мусульман от Аракана баллотировались в парламент в качестве кандидатов от правящей тогда партии Антифашистская лига народной свободы (АЛНС). Затем премьер-министр У Ну, по их просьбе, предоставил им гражданство, разрешил издавать газеты на арабском языке. Все это вызвало массовое недовольство коренного буддистского населения» [3].

Положение в Ракхайне стало ухудшаться по мере увеличения потока мусульманских нелегальных мигрантов из Восточного Пакистана (Бангладеш), особенно усилившегося в преддверии трагических событий в этом регионе в конце 1960-х — начале 1970-х гг. (в частности, в ходе войны за независимость Восточного Пакистана 1971 г.). Выходцы из этого региона выдвигали (и выдвигают сейчас) сепаратистские идеи о выходе из состава Мьянмы и создании либо независимого государства, либо присоединении к НРБ.

Подобная напряженная ситуация не устраивала мьянманское федеральное правительство, и начиная со времени военного переворота и прихода к власти генерала Не Вина (1962–1988), против рохинджа последовательно проводились различные силовые операции (депортация, запрет на получение гражданства страны, военная «зачистка» территории, направленные на «выдавливание» этого народа из Аракана).

Ключевые события в истории этого конфликта выглядят следующим образом: 1978 — операция «Нагамин» по насильственному выселению 200 тысяч бангладешских мигрантов; 1982 — Закон о гражданстве Бирмы, по которому рохинджа теряли все гражданские права и, по сути, становились

«негражданами»; 1991 — в рамках борьбы с мусульманскими экстремистами, проникающими в Бирму с территории НРБ, «Татмадау» (мьянманские войска) провели операцию по насильственному выселению 250 тысяч рохинджа; 1996 — объединение Организации солидарности рохинджа (ОСР) и Исламского фронта рохинджа Аракана (ИФРА) в Национальный альянс рохинджа (НАР); 2012 — введение в Ракхайне чрезвычайного положения вследствие вооруженных столкновений между бирманцами и рохинджа; 2014 — скандал между Мьянмой и Бангладеш после публикации в НРБ статьи по поводу гипотетического проведения в округах Ситве и Маунгдау референдума об отделении от Мьянмы и вхождения в состав НРБ; 2016 — масштабная радикализация и интенсификация конфликта между мусульманскими радикальными организациями Аракана и «Татмадау» [4].

Исследование проблемы

Острая фаза вооруженного противостояния в бирманском штате Ракхайн / Аракан продолжается практически восемь лет (с осени 2016 г.). «Международное измерение» конфликт получил в августе 2017 г., когда в мировых СМИ стала массово распространяться зачастую непроверенная информация о жестокостях «Татмадау» и буддийских националистов, применяющих насилие в отношении местных мусульман-рохинджа, единственное спасение для которых — бегство из страны.

Вполне естественно, что к процессу были подключены ключевые международные организации (включая ООН и Международный уголовный суд (МУС)) и медийные персоны различного уровня (например, Анджелина Джоли или Кейт Бланшетт), которые со всех возможных трибун и площадок стали обвинять силовые структуры Мьянмы в различных преступлениях. МУС с 2017 г. возбудил множество дел против властей Мьянмы (в нарушении прав человека, геноциде и военных преступлениях), а страны Запада требовали ввести самые разнообразные санкции против этой страны. Это, впрочем, не произвело впечатления на Китай и Россию, которые заблокировали все усилия США, Великобритании и Франции провести жесткие рестрикции против Мьянмы через Совет Безопасности ООН (СБ ООН) [5].

В условиях сильного внешнеполитического давления как со стороны международных организаций, так и со стороны отдельных стран Глобального Запада, Мьянма вернулась к политике «сильной руки» — военному режиму. В сложившихся условиях, возможно, это был правильный шаг для сохранения страны.

Новый виток обострения ситуации и давления на Мьянму ожидаемо произошел после возвращения к власти военных 1 февраля 2021 г. Причем с формальной точки зрения это событие нельзя назвать «военным переворотом», поскольку согласно Конституции страны с согласия президента страны

«Татмадау» имеют право взять на себя властные полномочия в случае острых и кризисных ситуаций⁶. Арест высшего руководства и аннулирование результатов парламентских выборов ноября 2020 г. вызвали резкое осуждение со стороны США и их союзников.

Однако Запад критиковал и вводил санкции в отношении Мьянмы и до 1 февраля 2021 г., и во времена «президента-реформатора» У Тейн Сейна (годы правления 2011–2016), и при фактическом правлении Аун Сан Су Чжи (2016–2021), которая когда-то считалась едва ли не «демократической иконой» Мьянмы и даже получила в 1991 г. Нобелевскую премию мира. И это отнюдь не случайно, поскольку в западном восприятии мира Мьянма — «государство-изгой» (наподобие КНДР или Ирана), где процветает безжалостная диктатура, нарушающая права человека⁷.

Агрессивная политика Запада в отношении Мьянмы в крайне значимой степени связана с ожесточенной конкуренцией между США и КНР, которая год от года обостряется. Для Пекина Нейпидо является одним из важнейших партнеров, без дружественных отношений с которым практически невозможно реализовать различные китайские масштабные стратегические проекты. Это, например, проект «Один пояс, один путь» (ОПОП) или «Морской шелковый путь» (МШП).

Другой важнейший аспект — это поставки в Китай нефти и газа из стран Персидского залива и Африки, от которых страна очень серьезно зависит. Использование Бенгальского залива и портов Мьянмы существенно сокращает время и расходы на транспортировку этих ресурсов на территорию КНР, а также предоставляет Пекину возможность открытого выхода в Индийский океан. В этом контексте излишне говорить, что правительство КНР максимально заинтересовано в тесном сотрудничестве с властями Мьянмы, что однозначно не предусматривает интернационализации Ракхайнского кризиса, не говоря уже о возможном проведении в регионе «гуманитарной интервенции» со стороны ООН, США или кого бы то ни было другого⁸.

Помимо этого, Мьянма располагает богатейшими запасами природных ресурсов, многие из которых имеют стратегическую важность для индустрии Китая (вольфрам, драгоценные камни, золото, медь, нефть, никель, олово, природный газ, серебро, свинец, цинк). Также у страны есть богатые и обширные

⁶ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

⁷ *Ефремова К.А.* Мьянманский кризис как испытание на прочность: что ждет ASEAN? // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myanmanskiy-krizis-kak-ispytanie-na-prochnost-что-ждет-asean/> (дата обращения: 10.05.2023).

⁸ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

сельскохозяйственные угодья, запасы древесины и рыбы и тому подобное. В свою очередь, США и ЕС хотели бы поставить их под свой контроль (или по крайней мере добиться того, чтобы они не оказались в руках КНР)⁹.

Вероятно, надежды США были связаны с приходом к власти в 2016 г. Национальной лиги за демократию (НЛД) и ее многолетнего лидера Аун Сан Су Чжи. Однако в итоге политика страны существенным образом не изменилась, и было бы весьма удивительным, если бы это произошло. КНР нашла общий язык с новыми властями Мьянмы и наладила добрососедские отношения, выгодные для обеих сторон. Китай стал крупнейшим инвестором Мьянмы, построил нефте- и газопроводы в свою юго-западную провинцию Юньнань, не имеющую выхода к Бенгальскому заливу. В бирманском штате Ракхайн (Аракан) планировалось строительство высокоскоростной железной дороги (ВСД) и глубоководного морского порта в Чаупхью. Кроме того, именно в период правления НЛД (2016–2021) страны заключили Соглашение о реализации проекта «Экономического коридора КНР — Мьянма» (2018). Вслед за этим Си Цзиньпин в январе 2020 г. посетил Нейпидо, что стало «историческим визитом» в контексте развития двусторонних отношений [5].

Такие планы и тенденции, естественно, шли вразрез с интересами США в этом регионе. Убедившись в неизменности внешнеполитического курса демократического правительства Мьянмы, с 2017 г. Соединенные Штаты приступили к очередной фазе дискредитации уже не только мьянманских военных, но и самой Аун Сан Су Чжи и ее демократически настроенных последователей. И здесь как нельзя кстати возникла ситуация с очередным обострением конфликта в Ракхайне, где «нарушаются гражданские права и физически (и морально) уничтожается мусульманское меньшинство — рохинджа»¹⁰.

Чтобы осознать, насколько мощно включилась пропагандистская машина Запада (и не только) с целью всемерного осуждения действий «Татмадау», достаточно привести несколько имен известных политических и общественных деятелей. В защиту рохинджа высказались Антониу Гутерриш (генеральный секретарь ООН), Реджеп Тайип Эрдоган (президент Турции) и множество других официальных лиц. Общественная петиция в поддержку лишения Аун Сан Су Чжи ее награды (Нобелевская премия мира 1991 г.) набрала в Интернете практически полмиллиона подписей¹¹.

Самой известной демократической активистке Мьянмы вменялась в вину публичная поддержка действий силовых структур, которые жестко

⁹ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁰ Там же.

¹¹ *Ефремова К.А.* Глобальное измерение кризиса рохинджа // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/globalnoe-izmerenie-krizisa-rohindzha/> (дата обращения: 15.05.2023).

отреагировали на террористические атаки боевиков-мусульман АСРА. Хотя очевидно, что, по сути, события того времени были масштабной контртеррористической операцией «Татмадау», призванной защитить буддийское большинство и индуистское меньшинство Ракхайна от нападения радикалов АСРА.

При этом необходимо отметить, что террористическую и преступную сущность араканских радикальных группировок признает даже часть западных СМИ и экспертов. Однако и для них «цель оправдывает средства»: если АА и АСРА ставят своей задачей как минимум отделение Ракхайна от остальной Мьянмы, а как максимум — свержение федеральных властей, то в таком случае имеет смысл их поддержать [7].

После событий 1 февраля 2021 г. на Западе попытались создать информационную картинку в контексте того, что население Мьянмы массово выступает против «военной хунты», пришедшей к власти и безжалостно разгоняющей якобы многочисленные протестные митинги едва ли не по всей стране. Но в действительности они затронули только самые крупные города (Нейпидо, Янгон, Мандалай), а количество участников было довольно немногочисленным¹².

Западные СМИ усиленно пытались создать ощущения массовых протестов, используя разнообразные приемы. Были задействованы такие «полит-технологии», как привлечение к митингам представителей так называемого «среднего класса», городской интеллигенции и молодежи (включая несовершеннолетних). В мьянманских социальных сетях и других средствах коммуникации массово распространялись фейки о зверствах армии и полиции, гибели протестующих и т.д. В то же время различные экстремистские ресурсы (до принятого военными решения отключения Интернета) публиковали инструкции по нанесению урона полиции, провоцировании силовиков на жесткие ответные меры и другие деструктивные действия, направленные на создание нужной картинки и атмосферы¹³.

Следует отметить, что использование молодежи — характерный метод как западных спецслужб, так и араканских деструктивных сил, что хорошо видно и на примере этого самого бедного штата Мьянмы, где безработных и зачастую не имеющих реальных перспектив молодых людей легко привлекают красивыми лозунгами. Например, «путь Ракхита» (восстание против доминирующих в стране бирманцев) и «священный джихад» против буддистов и индуистов, экономическая и политическая независимость от Нейпидо, а также восстановление государства Аракан, которое было «несправедливо и жестоко» уничтожено мьянманской династией Конбаун в 1784 г. В итоге

¹² *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

¹³ Там же.

в террор и иную преступную деятельность в 2017–2021 гг. подключилось множество представителей ракхайнской молодежи, которая бессмысленно гибла в вооруженном противостоянии регулярным войскам Мьянмы [7].

Разумеется, это далеко не единственные примеры усилий Запада в стремлении свергнуть мьянманское федеральное правительство и погрузить страну в «управляемый хаос». В частности, в традиционно бесцеремонном и безапелляционном стиле он попытался навязать свою волю по Мьянме другим странам мира. Помимо безуспешных попыток провести принятие антимьянманских резолюций в СБ ООН (о которых говорилось выше), Соединенные Штаты, Великобритания, ЕС, Австралия и Канада с февраля 2021 г. демонстративно бойкотировали любые совместные с АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии) мероприятия, если там присутствовали представители Нейпидо. Кроме того, Запад требовал в принципе исключить оттуда Мьянму. Однако на большинство участников организации эти требования не произвели никакого впечатления (за исключением Малайзии и Индонезии), и они посчитали происходящее внутренним делом Мьянмы. В этом позиция АСЕАН была схожа с китайской, индийской или российской¹⁴.

Ракхайнский конфликт, с особой силой вспыхнувший в 2016–2017 гг., действительно затянулся, что связано не только со всемерной поддержкой Западом местных радикалов, но и с особенностями тактики вооруженной борьбы АА и АСРА, применяемой против «Татмадау». Она заключается в сочетании трех принципов: партизанская война, прямое (конвенциональное) военное противостояние и террор против лиц, сочувствующих федеральным властям. Если к этому добавить агрессивную информационную кампанию араканских террористов против мьянманских силовых структур, а также попытки первых либо ликвидировать, либо поставить под свой контроль все проекты развития, реализуемые (или планируемые) на территории штата, то становится понятно, по каким причинам конфликт продолжается¹⁵.

Тем не менее, интенсивность конфликта постепенно снижается, и приход к власти военных в феврале 2021 г. способствовал стабилизации ситуации. На фоне неудач гражданского правительства Аун Сан Су Чжи в противостоянии ракхайнским боевикам в период 2016–2020 гг. нынешнее положение выглядит значительно более предпочтительным для властей Мьянмы. Это связано в т.ч. и с тем, что «Татмадау» получают различного рода поддержку от таких мощных и авторитетных держав, как Китай, Индия и Россия. Кроме

¹⁴ *Ефремова К.А.* Мьянманский кризис как испытание на прочность: что ждет ASEAN? // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/myanmanskiy-krizis-kak-izpytanie-na-prochnost-chto-zhdet-asean/> (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁵ «Армия Аракана»: как сепаратисты из Мьянмы развязали войну на фоне древних пагод // *Rybar.ru* URL: <https://rybar.ru/armiya-arakana-kak-separatisty-iz-myanmar-razvyazali-voynu-na-fone-drevnih-pagod/> (дата обращения: 15.05.2023).

того, им удалось постепенно приспособиться к той тактике, которая ранее успешно применялась радикалами. В свою очередь, начиная с 2022 г. фокус внимания Запада и его СМИ быстро сместился в сторону других «горячих точек» планеты (Украина, Тайвань, Нигер, Ближний Восток и т.д.). Это, безусловно, снизило уровень давления на Мьянму и способствовало проведению целенаправленной политики возврата к конституционному порядку в стране.

В этом контексте автор предполагает, что в относительно ближайшее время конфликт в Ракхайне будет если не преодолен полностью, то, по крайней мере, перейдет в так называемую «латентную фазу» (по типу соседней Северо-Восточной Индии). Это связано не только с указанными выше причинами, но и с целым рядом других объективных обстоятельств: 1) стремительный экономический рост Мьянмы (в последние годы достигавший 6...8 % ВВП); 2) продуманная программа развития страны по китайской или южнокорейской модели (экономические свободы при сохранении жесткого военно-политического курса); 3) развитие отношений с традиционными союзниками страны и поиск новых (в чем явно преуспевает нынешний лидер государства старший генерал Мин Аун Хлайн и его правительство); 4) успешное противодействие властей Мьянмы западным санкциям (в т.ч. благодаря реализации предыдущего пункта)¹⁶.

Заключение

Взаимоотношения Мьянмы, Ракхайна (Аракана) и глобального мира представляют собой сложный комплекс, на который воздействует целый ряд факторов, связанных с крушением однополярного миропорядка. Многолетнее и бескомпромиссное вооруженное противостояние местных сепаратистов и исламских радикалов с официальными мьянманскими федеральными властями дает формальный повод Глобальному Западу для вмешательства во внутренние дела суверенного государства. В то же время на примере Мьянмы хорошо прослеживается роль и значение крайне важного информационно-психологического фронта, организованного заинтересованными сторонами международной системы в ситуации, когда страны глобального Юга и Востока пытаются выйти из-под контроля Запада и сойти с навязываемого им пути. Использование внутренних противоречий, связанных с этническими и конфессиональными проблемами, в данном контексте играет важную роль.

Подобный сценарий был задействован и в Мьянме в качестве рычага для расшатывания государственной системы. Очевидно, что АА и АСРА

¹⁶ *Ивашенцов Г.А.* Мьянманская спираль // Российский совет по международным делам (РСМД). URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/myanmanskaya-spiral/?sphrase_id=103650561 (дата обращения: 10.05.2023).

с участием западных и исламских кураторов развернули мощную кампанию по дискредитации «Татмадау». Для достижения данной цели использовались многочисленные инструменты и механизмы, успешно апробированные при освещении СМИ Запада и ряда мусульманских стран в отношении событий в Югославии, Чечне, Ливии, Украине и других странах. Это стереотипный набор методов информационных атак: громкие формулировки, бездоказательные обвинения и фейковые видео о зверствах «военной хунты», «кровавых избиениях и зверствах со стороны Мьянмы», «организации геноцида и голода рохинджа» и т.д., как правило, не подкрепленные фактами. Реальной целью подобных медийных атак является создание в глазах мировой общественности образа «государства-изгоя».

Деструктивные силы в современной политике преследуют определенные цели: дестабилизация ситуации, организация гражданских столкновений и длительного очага нестабильности вдоль границ Китая, Индии и Бангладеш с последующим распадом Мьянмы под управлением прозападных политиков. Дополнительным бонусом для «дирижеров» этого конфликта является доступ к богатым природным ресурсам страны, который в условиях нестабильности и хаоса становится более вероятным.

К сожалению, мьянманские власти и силовые структуры во многом проигрывают своим оппонентам, искушенным в сфере информационно-психологических операций, и не всегда справляются с потоком негативной информации, распространяемой на многих мировых политических площадках, в т.ч. ООН. Несмотря на это, власти Мьянмы в лице военного правительства планомерно достигают определенных успехов в противостоянии своим оппонентам, и (начиная с 2021 г.) в конфликте наметился перелом в пользу федерального центра. Однако до окончательного решения проблемы еще очень далеко (с учетом причин, предыстории и хода конфликта). Тем временем моделью разрешения конфликта в Ракхайне мог бы стать процесс урегулирования подобной ситуации в соседней Индии (в частности, на примере территории Северо-Восточной Индии, который в настоящее время хотя и не решен окончательно, но находится в так называемой «латентной фазе»).

Очевидно, что деструктивные силы, заинтересованные в сохранении напряженности в Ракхайне, будут проводить антимьянманские операции на самых различных фронтах, в т.ч. и информационно-психологическом. Укрепление военного режима, исторически свойственного Мьянме, явно не вписывается в стратегию мирового гегемона в лице США, который стремится к реализации собственных сценариев по «демократизации» стран Юго-Восточной Азии. Можно сказать, что Мьянма во многом перечеркнула усилия Соединенных Штатов в достижении подобных планов и именно по этой причине подверглась жесткой обструкции со стороны части мирового сообщества, придерживающегося проамериканских взглядов. Ситуация в этой стране может являться примером для других стран (включая АСЕАН)

в контексте осознания последними того факта, что в условиях сохранения однополярного мира не может существовать равноправия, и при неблагоприятных условиях практически в любой момент можно оказаться в схожем положении.

Очевидно, что в современных условиях Мьянма нуждается в эффективной стратегии защиты государственных интересов, в т.ч. и в информационном пространстве страны. Для этого необходимо использовать опыт таких союзников, как Индия, Китай и Россия, не приветствующих политику изоляции и осуждения мьянманского военного режима. В свою очередь, Запад не скрывает своих целей по установлению в стране марионеточного и полностью подконтрольного режима. Для Мьянмы наступает «час X», когда необходимо принимать серьезные решения, направленные на отстаивание своих внутри- и внешнеполитических интересов.

Список литературы

1. *Симония А.А.* Бангладеш пытается решить проблему беженцев рохинджа переселением на остров // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. № 2 (43). С. 132–141. EDN: THIRAC
2. *Iftekhharul B.* Rohingya crisis and Western Myanmar's evolving threat landscape // Counter Terrorists Trends and Analyses. 2019. Vol. 6. P. 14–18.
3. *Симония А.А.* Массовый исход бенгалцев-рохинджа из Мьянмы: кто виноват и что делать? // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. № 36. С. 124–139. EDN: YSUXAL
4. *Симонёнок А.В., Витко Н.Д.* Этнотерриториальные конфликты в современном Индокитае // Россия и АТР. Владивосток, 2017. С. 50–51. EDN: ZBITCT
5. *Симония А.А.* Гаагский процесс: Аун Сан Су Чжи отрицает геноцид в Мьянме // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020. № 1 (46). С. 115–126. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126> EDN: PDUJVT
6. События в Мьянме в контексте взаимоотношений крупных держав в регионе. Круглый стол Центра комплексного китаеведения и региональных проектов и Центра АСЕАН МГИМО // Сравнительная политика. 2021. № 4 (12). С. 143–156. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10046> EDN: QTHDBS
7. *David Scott Mathieson.* The Arakan Army in Myanmar: Deadly Conflict Rises in Rakhine State // US Institute of Peace. 2020. Vol. 486. P. 1–24.

References

1. *Simoniya AA.* Bangladesh pytaetsya reshit' problemu bezhentsev rokhindzha pereseleniem na ostrov [Bangladesh tries to solve the problem of Rohingya refugee by resettling them on an island. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2019;43(2):132–141. EDN: THIRAC
2. *Iftekhharul B.* Rohingya crisis and Western Myanmar's evolving threat landscape. *Counter Terrorists Trends and Analyses.* 2019;(6):14–18.
3. *Simoniya AA.* Massovyi iskhod bengal'tsev-rokhindzha iz M'yanmy: kto vinovat i chto delat? [The mass escape of Bengali Rohingya from Myanmar: Who is to blame and what to do?]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya.* 2017;(36):124–139. EDN: YSUXAL

4. Simonyonok AV, Vitko ND. Etnoterritorial'nye konflikty v sovremennom Indokitae [Ethno-territorial conflicts in modern Indochina]. *Rossiia i ATR*. 2017, pp. 50–51. EDN: ZBITCT
5. Simoniya AA. Gaagskii protsess: Aun San Su Chzhi otricaet genocid v M'yanme [Hague trial: Aung San Suu Kyi denies genocide in Myanmar]. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya*. 2020;46(1):115–126. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-1-1-46-115-126> EDN: PDUJVT
6. Events in Myanmar in the context of relationship of great powers in the region. Roundtable of the Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects and the ASEAN Center at MGIMO. *Comparative Politics Russia*. 2021;12(4):143–156. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2021-10046> EDN: QTHDBS
7. David Scott Mathieson. The Arakan Army in Myanmar: Deadly Conflict Rises in Rakhine State *US Institute of Peace*. 2020;(486):1–24.

Информация об авторе:

Михайлов Сергей Александрович — ассистент кафедры всеобщей истории, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: 24rotweiss48@mail.ru ORCID: 0000-0003-0968-3648. SPIN-код: 2581-9003.

Information about the author:

Sergey Mikhaylov — teaching assistant of the Department of the World history, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation, e-mail: 24rotweiss48@mail.ru ORCID: 0000-0003-0968-3648. SPIN-code: 2581-9003.